

Описанными результатами возможности работы с НКРЯ не ограничиваются. Корпус может обеспечить научные исследования лексики и грамматики языка, а также непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении нескольких периодов; для научных и практических целей (в частности, для преподавания иностранных языков) можно задействовать корпусы параллельных текстов и пр.

Библиографические ссылки

1. **Галкина-Федорук Е. М.** Наречие в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. М. : МГИИФиЛ, 1939. – 155 с.
2. **Евтюхин В. Б.** Наречие: учеб. пособие / В. Б. Евтюхин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 48 с.
3. **Захаров В. П.** Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие / В. П. Захаров. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 48 с.
4. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.
5. **Русская грамматика** [Электронный ресурс] : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Режим доступа : <http://www.rusgram.narod.ru>. – Загл. с экрана.
6. **Савёлова Л. А.** Семантика и прагматика русского наречия : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Савёлова. – Северодвинск, 2009. – 386 с.
7. **Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность** / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 229 с.
8. **Филипенко М. В.** Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. – М. : Азбуковник, 2003. – 304 с.

Надійшла до редколегії 20.02.15

УДК 811.161.1'38

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ДИНАМИКА ВОКАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Исследована динамика нарастания регулярных и нерегулярных вокативных моделей в эпистолярном дискурсе И. Н. Крамского и И. Е. Репина. Показано, что в начале переписки у разных адресантов актуализируются, как правило, общепринятые лингвистические и этические нормы письменного обращения, а при её пролонгированном характере начинают проявлять себя индивидуально-авторские особенности вокативного творчества. Доказано, что динамика нарастания регулярных вокативных образований в значительной мере подчиняется неким общим закономерностям речепроизводства, появление же в эпистолярном дискурсе произвольных и спонтанных вокативов зависит от целого ряда экстралингвистических факторов и характеризует индивидуальный стиль адресанта.

Ключевые слова: вокатив, обращение, адресат, адресант, письмо, эпистолярный дискурс.

Куварова О. К. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ДИНАМІКА ВОКАТИВНИХ УТВОРЕНЬ В ЕПІСТОЛЯРНОМУ ДИСКУРСІ

Досліджено динаміку наростання регулярних і нерегулярних вокативних моделей в епістолярному дискурсі І. М. Крамського й І. Ю. Рєпіна. Показано, що на початку листування у різних адресантів актуалізуються, як правило, загальноприйняті лінгвістичні й етичні норми

письмового спілкування, а в разі її пролонгованого характеру починають проявлятися індивідуально-авторські особливості вокативної творчості. Доведено, що динаміка наростання регулярних вокативних утворень значною мірою підпорядковується певним загальним закономірностям мовотворення, поява ж в епістолярному дискурсі довільних і спонтанних вокативів залежить від низки екстралінгвістичних чинників і характеризує індивідуальний стиль адресанта.

Ключові слова: вокатив, звертання, адресат, адресант, лист, епістолярний текст.

Kuvarova O. K. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. *VOCATIVE FORMATIONS DYNAMICS IN THE EPISTOLARY DISCOURSE*

The purpose of this article is finding out some conformities to law of correlation of regular and irregular vocative formations in the dynamics of their appearance in the epistolary discourse of addresser. The material of the research are Ivan Kramskoy's and Ilya Repin's letters. These two arrays of letters have comparable volume and contain approximately the same number of vocatives. The whole multitude of the vocatives we have summarized in a relatively small number of their models, combining the vocatives with syntactic dominating anthroponym (with its variants: a name, a name and patronymic, a surname), as well as cognate words and different grammatical forms of the same lexeme. Vocative regular models are models that moved one percent statistical threshold at one of the addressers.

It is shown that the generally accepted linguistic and ethical standards of the written appeal actualize usually at the beginning of correspondence of different senders; and when it prolonged some individually-authorial features of their vocative creativity begin to prove themselves. The dynamics of growth of regular vocative formations largely submits to some general regularities of speech generation, while appearance of arbitrary and spontaneous vocatives in epistolary discourse depends on a variety of extra-linguistic factors and characterizes an addresser's individual style.

Key words: the vocative, appeal, addressee, addresser, letter, epistolary discourse.

Лингвостилистическое исследование эпистолярных текстов включает достаточно широкую проблематику, в которую входит изучение структуры письма [1], эпистолярного идиостиля [2; 3; 11], стилистической специфики некоторых жанровых разновидностей корреспонденции [12; 13], функционирования в текстах писем различных речевых фигур [4; 8; 14] и др. Предметом исследования в лингвостилистическом аспекте становилась и такая функционально значимая, чрезвычайно гибкая и разнообразная в плане структурно-семантических свойств лингвистическая фигура, как вокатив (обращение), рассматривались, в частности, структура и стилистические функции обращений в письмах И. С. Тургенева и А. П. Чехова [7; 6], индивидуально-авторские и окказиональные обращения в эпистолярном стиле XIX – начала XX в. [5; 10]. Однако соответствующий языковой материал при этом неизбежно оказывается представленным фрагментарно, внимание учёных сосредоточено на ярких, нестандартных, образных выражениях и тех авторах, чьё речевое творчество даёт множество соответствующих примеров. Адресант как личность, а тем более личность творческая, проявляет себя в разной, правда, степени и во всём тексте письма, и в отдельных его фрагментах, и (за исключением, по-видимому, сугубо официальной переписки) в используемых им обращениях к адресату. Мы зафиксировали, например, в письмах М. Горького оригинальные вокативные конструкции типа *Верочка, китайское чудовище и ведьма* или *Уважаемая, окаянная и проклятая девушка* (Горький, с. 350, 406), у А. П. Чехова: *Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати* (Чехов, с. 243), у В. Г. Белинского: *Уродина Кетчер, чудовище нелепости* (Белинский, с. 59), а в письме А. И. Герцена И. С. Тургеневу – *Ваше Литературное Высокпревосходительство* (Герцен, с. 428) и многие др.

Можно, конечно, составить список такого рода вокативных фигур и даже найти у них определённые лингвистически значимые параметры, можно восхищаться их образно-эстетическим потенциалом или не считаться с ним, но возможности выстроить на такого рода материале какую-либо адекватно интерпретируемую типологию мы не видим. Количество в данном случае не даёт предпосылок для выявления существа изучаемого явления и, следовательно, не может

перейти в качество. Системный подход к исследованию языка требует, чтобы определённый фактический материал был, во-первых, субстанционально и функционально детерминированным и, во-вторых, однозначно маркированным в его количественных и качественных параметрах. Что же касается изучения и описания индивидуально-авторских вокативных образований как реальной или возможной персонификации эпистолярного вокатива, связанной с определением общего и специфического у разных адресантов, то такого рода исследования требуют, по-видимому, специальной методики, позволяющей обобщать не только материал, который в силу тех или иных причин носит в сущности спонтанный характер, хотя суммарно представляет собой весьма обширный пласт вокативных конструкций, но и статистически маркированные факты, регулярные вокативные образования типа *Дорогой Пётр Сергеевич; Милая Танюша; Друг мой* и т. п. Количество моделей такого рода конструкций не так велико, как число спонтанных вокативов, но в сумме реализованные регулярные вокативные образования в письмах любого адресанта значительно превышают неузуальные вокативные конструкции, а значит, без их учёта, без описания соотношения регулярного и нерегулярного в речевом творчестве участника переписки невозможно представить сколько-нибудь объективную картину его эпистолярного идиостиля.

Целью данного исследования является выяснение некоторых закономерностей соотношения регулярных и нерегулярных вокативных образований в динамике их появления в эпистолярном дискурсе адресантов. Под эпистолярным дискурсом мы, вслед за А. В. Курьянович, понимаем «ряд текстов определённой жанрово-стилевой принадлежности в единстве их лингвистических и экстралингвистических аспектов рассмотрения, за которыми стоит одна и та же языковая личность автора» [9, с. 146]. Уточним одно, на наш взгляд, существенное при изучении динамики вокативов обстоятельство: необходимо учитывать хронологию создания текстов, составляющих эпистолярный дискурс.

В качестве материала исследования мы взяли два массива писем сопоставимого объёма с примерно одинаковым количеством в них вокативов. Это письма И. Н. Крамского и И. Е. Репина – современников, мастерски владевших словом, что проявилось как в их художественно-критических статьях, так и в эпистолярном наследии, и в то же время людей, чья профессиональная деятельность, как известно, не была связана с литературным творчеством. Оба наших адресанта регулярно вели переписку с широким кругом корреспондентов, среди которых много выдающихся людей, в том числе писатели Л. Н. Толстой, В. М. Гаршин, А. П. Чехов; учёные Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, Д. И. Яворницкий; художники Ф. А. Васильев, Н. Н. Ге, В. Д. Поленов, В. А. Серов, И. И. Шишкин; коллекционер и художественный деятель П. М. Третьяков; критик, историк искусства В. В. Стасов и др. Опубликованные двухтомные собрания писем содержат 600 писем И. Н. Крамского и 671 письмо И. Е. Репина, в которых было зафиксировано соответственно 774 и 720 вокативов и вокативных конструкций.

Всё множество вокативов мы обобщили и свели в сравнительно небольшое число их моделей, объединив вокативы с синтаксической доминантой антропонимом (с его вариантами: имя (И), имя и отчество (ИО), фамилия (Ф)), а также однокоренные апеллятивы типа *голубчик / голубушка, милостивый государь / милостивая государыня* и разные грамматические формы одной лексемы *милый / милая, добрый / добрейший* и т. п. В результате всё вокативное творчество Крамского представляют 75 моделей, у Репина же зафиксировано 82 модели вокатива. Как видим, снова вполне соотносимые цифры. При этом частота реализации отдельных моделей в эпистолярном дискурсе каждого адресанта может существенно различаться. Так, в письмах Крамского модель *Многоуважаемый ИО* реализо-

вана в 270 вокативних конструкціях у Рєпина ця модель зустрілась 60 раз, а чаще всего – 366 раз – он використовував модель *Дорогой ИО* (більше ніж в половині всіх його писем!). Зустрічаються і єдиничні вокативи – унікальні моделі, представлені всього одним звертанням. У Крамського такі, наприклад, вокативи *Друг мой Михаил Борисович; Моя именинница; Радость моя Сонечка; Любовь моя дорогая и чистая; Жена моя милая, мать детей моих; Любезнейший Михаил Борисович; Золотой мой юноша; Мой благородный друг; Мой дорогой друг Фёдор Александрович; Батюшка* (Крамської, т. 1, с. 11, 25, 52, 57, 89, 123, 124, 194; т. 2, с. 80) і др. Єдиничні вокативні конструкції в листах Рєпина: *Несказанно добрый Адриан Викторович; Мой хороший Адриан Викторович; Моя радость; Наивный человек; Любезный брат мой по искусству Василий Максимович; Наш честный, наш благородный рыцарь добра и правды; Умная – добрая – красивая Татьяна Львовна; Приветливая – талантливая графиня; Прекрасная дама сердца; Мой прелестный Василий Васильевич; Дорогой маэстро; Милый, дорогой именинник; Друг милый мой, дорогой казаче Николай Дмитриевич* (Рєпин, т. 1, с. 24, 27, 101, 145, 252, 269; т. 2, с. 3, 102, 159, 173, 311, 365) і др.

Регулярними в епістолярному дискурсі кожного адресанта будемо вважати вокативні моделі, число реалізацій яких становить не менше одного відсотка від загального числа вокативних образів, тобто в нашому випадку статистичний поріг становить 8. При цьому у Крамського переходить однопроцентний статистичний поріг 15 моделей вокатива (в дужках вказана частота їх реалізації): *Многоуважаемый ИО* (270), *Глубокоуважаемый ИО* (50), *Дорогой мой ИО* (46), *Милостивый государь ИО* (38), *Дорогой ИО* (37), *Добрый мой ИО* (33), *Милый мой* (32), *Дорогой мой* (32), *Уважаемый ИО* (28), *ИО* (25), *И* (18), *Милый мой И* (15), *Голубчик мой* (14), *Голубчик* (10), *Добрый ИО* (8). Десять запорогових вокативів в листах Рєпина: *Дорогой ИО* (366), *ИО* (82), *Многоуважаемый ИО* (60), *Дорогой, глубокоуважаемый ИО* (21), *Глубокоуважаемый ИО* (20), *Милостивый государь ИО* (12), *Милый ИО* (10), *И* (10), *Добрый ИО* (8), *Милый И* (8).

Розглянемо тепер динаміку появи регулярних вокативних моделей в епістолярному дискурсі Крамського і Рєпина. Уже в першій десятці писем Крамського реалізовано п'ять із п'ятнадцяти запорогових моделей вокатива: в першому листі – *Дорогой мой Михаил Борисович*; в третьому – *Дорогой Михаил Борисович*; в п'ятому – *милая моя*; в шостому – *Александр Васильевич*; в дев'ятому – *Добрый мой Михаил Борисович*. В перших сорока листах реалізовано уже десять запорогових моделей, тобто дві треті всіх його регулярних вокативів. Решта п'ять з'являються далі з інтервалом в декілька десятків писем, причём остання із них модель – *Уважаемый ИО* – в 220-м із 600 його писем.

Похоже обстоїть справа і з регулярними вокативними образів у Рєпина. В перших тридцяти листах реалізовані шість із десяти запорогових моделей; в межах першої сотні писем їх уже вісім, а остання, десятка регулярна модель – *Дорогой, глубокоуважаемый ИО* – вперше з'являється в 241-му листі. В решти ж більш ніж чотирьохстах листах якщо і з'являються нові моделі вокатива, то це більшою частією спонтанні єдиничні образи або нерегулярні у даного адресанта моделі.

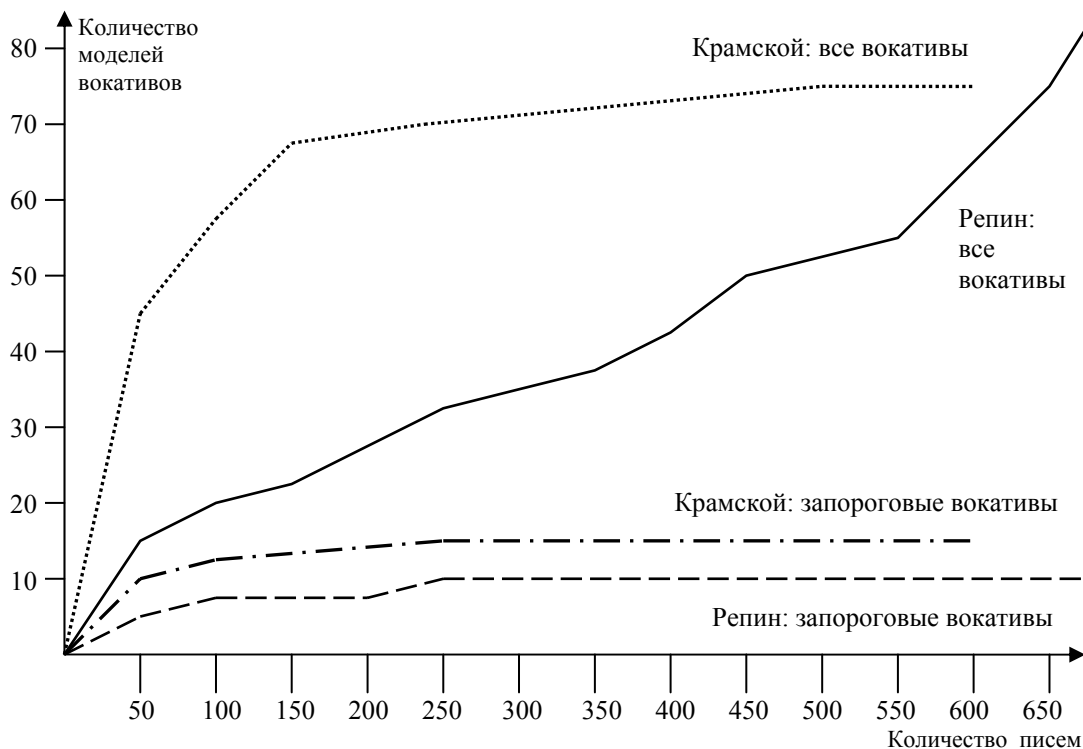
Совершенно інші результати дає порівняння динаміки розкриття всієї системи вокативних моделей у наших адресантів. В перших 50 листах Крамського реалізовано 45 моделей вокатива – більша частина всього їх корпусу. В наступних 50 листах додається ще 13 нових моделей, далі наростання вокативних моделей в епістолярному дискурсі адресанта уповільнюється, і наступні 50 писем дають всього 10 нових моделей, а потім кожні нові п'ятдесят писем поповнюють вокативний ресурс лише 1 – 2 не використаними раніше моде-

лями вокатива, причём из всех этих моделей только одна, как это было указано выше, становится регулярной в его вокативном творчестве. Такое распределение вокативного ресурса связано с экстралингвистическими факторами, в частности с характером круга адресатов, который со временем у Крамского, естественно, менялся. Начало переписки приходится на 1862–1866 гг., и многие письма этого периода адресованы С. Н. Крамской – сначала невесте, а затем жене художника. Форсированная динамика нарастания вокативов в эпистолярной в значительной мере связана с эмоциональным отношением Крамского к любимой женщине, ставшей матерью его детей. Он с нежностью обращается к Софье Николаевне, иногда по нескольку раз в одном к ней письме: *Моя дорогая Соня; Милая моя, дорогая; Друг мой дорогой и милый, Соня; Милый друг мой Соня, Голубчик Соня, Сонечка милая; Милочка моя; Родная моя Соня; Хорошая моя; Милая жена моя; Добрая моя* (Крамской, т. 1, с. 6, 17, 18, 21, 32, 52, 56, 58, 63). Позднее, в 1870-е гг., когда круг корреспондентов Крамского расширяется, переписка с некоторыми из них, в частности с П. М. Третьяковым, А. В. Никитенко, Ф. А. Васильевым, В. Д. Поленовым, И. Е. Репиным, принимает постоянный и регулярный характер, обсуждаемые в письмах вопросы имеют важное общественное значение, касаются задач искусства, предназначения художника, судьбы русской реалистической школы живописи, а также актуальных политических событий, Крамской предпочитает стереотипные формулы обращения, более характерные для частно-деловой переписки: *Многоуважаемый ИО, Глубокоуважаемый ИО, Милостивый государь ИО* и т. п.

В эпистолярной Репина динамика развёртывания вокативных моделей существенно отличается от описанной выше. Нарастание разных моделей вокатива происходит постепенно и довольно равномерно на протяжении всего времени, охваченного перепиской, а это более шестидесяти лет. Начиная с пятидесятого письма, каждые следующие пятьдесят писем добавляют к уже реализованным, как правило, от двух до шести новых вокативов. Всплески вокативного творчества приходятся на фрагменты эпистолярного дискурса, объединяющие письма от 550-го до 600-го и от 600-го до 650-го (по одиннадцать новых вокативных моделей). Это происходит, во-первых, в связи с появлением в кругу корреспондентов художника новых адресатов, например, к Ф. И. Шаляпину Репин обращается: *Неизречимо дорогой и бесконечно обожаемый Фёдор Иванович*; к Н. А. Гедройцу – *Многоуважаемый князь Николай Антонович*; к М. Н. Климентовой-Муромцевой – *Дорогая, Вещая, Могучая Мария Николаевна*; к И. К. Григоровичу – *Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Иван Константинович* (Репин, т. 2, с. 292–296), а во-вторых, с изменившимися условиями общения. Так, в послереволюционные годы Репин в одном из писем обращается к будущим инженерам, учащимся техникума точной механики и оптики: *Молодые товарищи* (Репин, т. 2, с. 343), отдавая, конечно же, дань новым этическим нормам общения. Когда Д. И. Яворницкому было присвоено звание члена-корреспондента Всеукраинской Академии наук, Репин торжественно и даже несколько пафосно обращается к нему: *Дорогой, глубокоуважаемый маститый академик Дмитрий Иванович* (Репин, т. 2, с. 397).

Далее приведён график, кривые на котором, демонстрирующие нарастание разных вокативных моделей в эпистолярном творчестве Крамского и Репина, значительно расходятся, отражая специфику стилистики каждого автора. Кривые же, фиксирующие динамику запороговых вокативных моделей, при небольшом расхождении в начале, дальше идут практически параллельно, эти модели большей частью проявляются в самом начале переписки, при этом оба адресанта исчерпывают ресурс регулярных вокативных образований уже в начале третьей сотни писем. Если в дальнейшем этот ресурс и пополняется новыми моделями, которые

становляться продуктивними в епістолярії даного адресанта, то це происходит редко и, как показано выше, бывает связано с изменившимися условиями общения, включая круг адресатов, с которыми ведётся переписка.

Таким образом, исследование динамики развёртывания системы вокативных моделей показывает, что в начале переписки у разных адресантов актуализируются, как правило, общепринятые лингвистические и этические нормы письменного обращения, а при её пролонгированном характере начинают проявлять себя в непрерывающемся потоке писем индивидуально-авторские особенности вокативного творчества. В эпистоляріку могут быть введены и нередко вводятся нестандартные, зачастую весьма оригинальные и даже экзотические вокативные образования, а значит, и их модели. Образуется, как минимум, два функциональных эшелона эпистолярного вокатива: универсальный с преобладанием в нём общепринятых нормативных обращений и специфический с включением произвольных и спонтанных вокативных фигур. Динамика нарастания регулярных вокативных образований в значительной мере подчиняется неким общим закономерностям речеобразования, появление же в эпистолярном дискурсе произвольных и спонтанных вокативов зависит от целого ряда экстралингвистических факторов и характеризует индивидуальный стиль адресанта.

Бібліографічні посилання

1. **Антоненко С. В.** Структура писем А. С. Пушкина (Лингвостилистика текста) / С. В. Антоненко. — К. : Знання, 2000. — 154 с.
2. **Братаніч О. В.** Лінгвостилістика епістолярію Г. П. Кочура (на матеріалі листування 60–80-х рр. ХХ століття) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 — укр. мова / О. В. Братаніч. — К., 2004. — 215 с.

3. **Глинкина Л. А.** Проблема эпистолярного идиостиля в русистике / Л. А. Глинкина // Семантика слова, образа, текста : тез. междунар. конф. / отв. ред. А. А. Камалова. – Архангельск, 1995. – С. 13.
4. **Гусева С. В.** Перифрастика в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова / С. В. Гусева // 2-е Междунар. Бодуэновские чтения : Казан. лингвист. школа: традиции и современность (Казань, 11–13 дек. 2003 г.) : тр. и материалы : в 2 т. – Казань, 2003. – Т. 1. – С. 42–45.
5. **Журавльова Н. М.** Індивідуально-авторські та оказіональні гоноративи в епістолярному стилі ХІХ – початку ХХ ст. / Н. М. Журавльова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : материалы 2-й Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, 14–15 апр. 2005 г.). – Д., 2005. – С. 149–153.
6. **Захарова В. Е.** О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова / В. Е. Захарова // Языковое мастерство А. П. Чехова [отв. ред. Л. В. Баскакова]. – Ростов н/Д, 1988. – С. 110–115.
7. **Климова Н. В.** Структура и стилистические функции обращений в письмах И. С. Тургенева / Н. В. Климова // Исследования по русскому языку. – Д., 1970. – С. 127–133.
8. **Комарова С. И.** Функционирование перифразы в эпистолярном стиле 2-й пол. XVIII века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. И. Комарова. – Д., 1990. – 285 с.
9. **Курьянович А. В.** Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации / А. В. Курьянович // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2009. – Вып. 9 (87). – С. 146–150.
10. **Кыштымова Т. В.** Ономастическая игра в письмах А. П. Чехова к брату (на примере обращений и самопрезентаций) / Т. В. Кыштымова // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2008. – № 60. – С. 221–225.
11. **Маймин Е. А.** Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики / Е. А. Маймин // Пушкинский сборник. – Псков, 1962. – С. 77–87.
12. **Нгуен Тхи Бик Лан.** Лингвостилистические особенности русской коммерческой корреспонденции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 – рус. язык / Тхи Бик Лан Нгуен. – М, 2006. – 27 с.
13. **Федюрко С. Ю.** Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. Ю. Федюрко. – Воронеж, 2002. – 140 с.
14. **Шульга Д. О.** Іншомовні слова в письменницькому епістолярії 20–50 років ХХ століття : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. О. Шульга. – Кіровоград, 2012. – 221 с.

Источники фактического материала

- Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский [гл. ред. Н. Ф. Бельчиков]. – Т. 12. Письма 1841–1848. / [ред. тома Ю. Г. Оксман]. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 596 с.
- Герцен А. И.** Сочинения : в 9 т. / А. И. Герцен [под общ. ред. В. П. Волгина и др.]. – Т. 9. Дневник 1842–1845. Письма 1832–1870 / [подгот. текста писем и прим. Л. Р. Ланского]. – М. : ГИХЛ, 1958. – 756 с.
- Горький М.** Собрание сочинений : в 30 т. / М. Горький. – Т. 30. Письма, телеграммы, надписи : 1927–1936. – М. : ГИХЛ, 1956. – 820 с.
- Крамской И. Н.** Письма, статьи : в 2 т. / И. Н. Крамской [сост. С. Н. Гольдштейн]. – М. : Искусство, 1965. – Т. 1. – 628 с.; 1966. – Т. 2. – 532 с.
- Репин И. Е.** Избранные письма : в 2 т. / И. Е. Репин [сост. и автор вступ. ст. И. А. Бродский]. – М. : Искусство, 1969. – Т. 1. Письма 1867–1892. – 456 с.; Т. 2. Письма 1893–1930. – 464 с.
- Чехов А. П.** Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов [под общ. ред. В. В. Ермилова и др.]. – М. : ГИХЛ, 1963. – Т. 11. – 696 с.

Надійшла до редколегії 15.01.15